

Постсекулярное общество и религия: О необходимости взаимодействия социальных институтов и религиозных организаций

© О.В. Чистякова

Российский университет дружбы народов, Москва, 117198, Россия

Обоснована необходимость взаимодействия социальных институтов и официально зарегистрированных организаций традиционных религий в условиях секулярных процессов российского общества. Рассмотрена идея рационализации взаимоотношений религиозных структур с образовательными учреждениями. Показан противоречивый процесс углубления секуляризации российского общества при одновременной актуализации религии и усиливающимся стремлении людей к религиозной самоидентификации наравне с этнической, гражданской, культурной. Предложена идея единства светского и религиозного знания на основе включения в образовательный процесс дисциплин философско-религиозного направления, в частности, наследия восточнохристианской патристики. Автор убежден, что при рациональном совмещении изучения исконных отечественных ценностей религиозной культуры и достояния светских гуманитарных наук будет преодолен разрыв между образованием и воспитанием, восполнена потеря преемственности социальной памяти поколений, наблюдающаяся в российском обществе в последние десятилетия.

Ключевые слова: *секуляризация, постсекулярное общество, институт образования, социальные институты, рационализация, межкультурный диалог, межрелигиозные коммуникации, постмодерн, восточнохристианская патристика, воспитание*

Актуализация темы взаимодействия религиозных организаций с социальными институтами (прежде всего с образовательными учреждениями) представляется очень важной в современных условиях секуляризации российского общества. Указанное взаимодействие может иметь эффективный характер при наличии рационального осмысления и глубокого социально-философского анализа данных условий.

Религиозная сфера, имеющая дело с абсолютно трансцендентным объектом и не стремящаяся к излишней структурной регламентации нравственного опыта субъекта, способна достаточно гармонично восполнить индивидуальную духовную жизнь. Несмотря на обозначившиеся в последние десятилетия тенденции секуляризации (и даже постсекуляризации) социальной и культурной сфер общества, религия все больше входит в персональную историю индивида, замещая некоторым образом жесткие формы управления регулирующей бюрократии, декларативную политическую деятельность, бесконечные

витки всевозможных реформ и нововведений, которые не подвергаются широкому общественному обсуждению, но которым, тем не менее, человек обязан подчиняться.

Рассматривая взаимоотношения религии и образования, автор статьи не имеет в виду какую-то определенную религию или конкретную церковь. В понятие религии заложен широкий философский смысл, отражающий социокультурную значимость того или иного вероисповедания. Автор говорит о религии как о *социальном феномене*, возрастающее внимание к которому представляется очевидным фактом, а этически корректное использование этого феномена может привнести положительное содержание как в образовательный процесс российских вузов, так и в решение важнейших гуманитарных проблем общества в целом.

Рационализация секулярного общества как диалог веры и разума. Общественная жизнь сегодня все более похожа на спектаклеобразную (Ги Дебор) с усиливающимися тенденциями растворения уникальных черт личности и унификации индивидуального начала, процессами деинституциализации социальных структур позднего модерна, умноженных действием массмедиа и созданием медиатизированной иллюзорной реальности, воспринимаемой человеком в качестве истинной и объективной. Вышеназванные характеристики социума (как российского, так и западного) усиливаются утратой чувства устойчивости и защищенности жизни субъекта и его семьи. Все это постепенно приводит к вытеснению сакральных форм культуры и духовного бытия на второй план. Однако религия в условиях секуляризации неминуемо стремится занять то поле, которое оказывается свободным, а именно личностное пространство современного человека, потерявшего опору и вынужденного подчиняться как внешним, так и внутренним факторам быстротекущего бытия.

Религия находит свое место не только в трансцендентальной сфере, но и в реальных социальных отношениях. Причем это имеет место именно в обществах, казалось бы, намеренно вытесняющих религию из своих структур и отчуждающих веру от индивида. Поэтому роль религии сегодня нельзя недооценивать, даже если рассуждать с позиции невоцерковленного человека. Надо уметь видеть позитивное в религии, то ценностно-значимое, что обуславливает социокультурную идентификацию каждого человека. [1, p. 1192]. По мнению автора, чем более *секуляризировано общество, тем более повышенного внимания требует религиозная сторона жизни*, тем с большей долей рациональности следует относиться к религиозной вере, религиозному самосознанию индивидов. Это актуально не только для российского общества, но и для любого социума, охваченного постсекуляризационными процессами.

XXI в., к сожалению, полон событий, в которых религия стала фактором, способствующим разжиганию войны, конфликтов или цепи террористических актов. Так ли это на самом деле? Содействует ли религия возникновению напряженности, неприязни людей к другим этнокультурам или, наоборот, может предвосхищать социальное насилие и конфликты, устанавливать миролюбивые, толерантные межрелигиозные и этнокультурные взаимоотношения?

Традиционные религии, изначально основанные на ценностно-антропологических и глубоких моральных идеях, сами по себе не вызывают этнокультурных, социальных, межрелигиозных конфликтов и взрывов. Религия априори своей теоретической обусловленностью не только не вызывает социальной напряженности и насилия, но и противоречит им, противопоставляя насилию высокую мораль и духовные ценности. В связи со сказанным представляется, что одна из главных и неотложных целей современного общества — это *рационализация взаимоотношений* религиозных организаций с социальными институтами Российской Федерации, прежде всего с образовательными учреждениями, что предполагает *включение* религии в социальную жизнедеятельность на тех же *рациональных* основаниях [2]. Официально зарегистрированные в органах региональной власти религиозные структуры, организации и объединения необходимо рассматривать сегодня как перспективную духовную силу в установлении цивилизованных отношений в обществе и, что особенно важно, как современный социальный институт, способный предотвратить проявление и осуществление различного рода социальных и этнокультурных конфликтов, а также уменьшить последствия в случае их возникновения.

Если подходить к проблеме рационально, то ясно, что диалог общества и религий актуален, несмотря на углубляющуюся секуляризацию. Религиозные организации и объединения *различных* вероисповеданий следует вовлекать в реальные социальные процессы современной России. Подчеркнем, что речь идет о взаимодействии в гуманитарно-образовательной и культурной сферах, о помощи церквей в *социальной* области, а также там, где назревают межэтнические конфликты и противоречия с целью их предотвращения, но не в сферах, связанных с политическим управлением, федеральной или региональной властью.

Духовные основоположения религии изначально противоречат смыслу насилия, социальной деструкции, и именно поэтому они могут содействовать процессу *рационализации общественного бытия* на основах мирного и свободного существования человека, толерантного и творческого взаимоотношения людей различных культур и этносов [3]. Религия не столь отдалена от рационального, сколь часто ее пытаются вытеснить из этого пространства.

В контексте выражения тревоги самой церкви за усиливающуюся иррациональность жизни очень показателен текст, фрагмент и обоснование которого приведены ниже. Лекция папы Римского Бенедикта XVI в университете Реденсбурга в 2006 г. на встрече с представителями науки Германии была посвящена соотношению *веры* и *разума* и концептуальному обоснованию *возврата рациональности* в современное общество. Бенедикт XVI подчеркивал, что современное решение вопроса о взаимоотношении веры и разума является частью религии как таковой, поскольку необходимость рациональности согласуется с самой природой веры. Вера и разум в современных условиях должны идти вместе по новому пути, и если обществу удастся преодолеть как «самовозложенные, так и навязанные извне ограничения разума в его применении только к эмпирическому опыту» [4], то тем самым откроются новые более широкие горизонты для разума и самого общества.

Очевидно, что Бенедикт XVI пытался выделить сферу духовного религиозного бытия в качестве актуального объекта его рационального постижения. Кажется, он намеренно привлекает внимание к тому, что рациональность осталась в далеком прошлом: разум как методологическое средство теологии и как необходимое основание общества не играет больше главной роли и потерял свою значимость. В своей лекции глава католической церкви говорил о необходимости возврата в университеты теологии как дисциплины, ставящей вопрос о *рациональности веры*. Он считает, что западный мир отошел от греческой рациональности и от греческого духа философствования, основанного на разуме.

Профессор философии и теолог из Словакии П. Данцак подчеркивает значимость речи Бенедикта XVI, в которой отражено глубокое понимание современного состояния религий и западных культур, находящихся более в столкновении, нежели в толерантном и миролюбивом взаимодействии. Все же глава католической церкви отстаивал идею, что *христианская вера* и *западная рациональность* должны быть *партнерами* в ответе на вопросы, возникающие из понимания сущностной трансцендентности человека, его высокой роли и назначения в мире. Это требует рассмотрения соотношения религии и разума, поскольку власть критического разума требует обнаружения патологии веры (например, религиозного фундаментализма), однако предполагается, что вера помогает христианству в его проповеднической миссии обличений *ограниченности* разума, возникающей по причине некоторых иррациональных оснований мира и интерпретирующих его теорий. Например, согласно П. Данцаку, такой ограниченно-иррациональный характер носит рефлексивное рассмотрение абсолютной категории права на жизнь сквозь призму утилитаристской полезности. В современных условиях разум и вера при-

зывают к диалогу, чтобы получить духовное возрождение и теоретическое обновление [5, с. 680]. Словацкий философ подчеркивает, что только диалог веры и разума может универсализировать мир, дать возможность человеку постигать его на основах рационального *баланса* между ними, учитывая достижения и условия современности [5].

Сфера социального и религиозного бытия сегодня как никогда требует рационализации. Следует отметить, что некоторое движение в этой сфере уже происходит в России. Теология вернулась в российские университеты, первоначально в виде специальности, входящей в номенклатуру Министерства образования и науки РФ, затем как образовательная программа подготовки бакалавров. В какой-то мере, по мнению автора, это восполняет тот вакуум, который имеется между обществом, государственными структурами и религиозными организациями. Предпринятый шаг рационален в своей сущности, так как уже несколько лет ведется подготовка квалифицированных специалистов в сфере религиоведения, теологической рефлексии, сравнительного анализа религий, религиозной антропологии. Тем самым в конструктивном ключе задан дискурс о взаимодействии религиозных организаций и образовательных учреждений, структур гражданского общества и деноминаций.

Современные общества, охваченные постмодернизационными процессами, испытывают влияние технократизации и сильнейшего манипуляционного воздействия массмедиа [6]. Становлению таких обществ сопутствуют трансформационные изменения к сложноорганизованной, но деинституциализированной целостности, усиленной кризисом культурной идентичности и возможностей персональной идентификации в поликультурных обществах. Подчеркнем, что проблемы, связанные с этнокультурной и религиозной идентификацией, неминуемо ведут к кризисным явлениям не только в структурах социальных институтов какого-либо государства, но и в *самых* религиозных организациях традиционных конфессий и деноминаций [7].

Религиозность и образование в постсекулярном обществе. Современная эпоха иногда обозначается как *постсекулярная*, определяемая устойчивыми и даже расширяющимися типологическими характеристиками *нерелигиозности* сегодняшнего мира. Канадскому философу Ч. Тейлору принадлежит одна из самых глубоких работ в указанном контексте, где выделены следующие сущностные признаки постсекулярной эпохи: обмирщение общественного пространства, упадок веры и религиозных практик, существование феномена *неверия* как наиболее распространенного и жизнеспособного выбора человека в определенных социокультурных условиях [8].

Согласно канадскому философу Ч. Тейлору, еще в эпоху модерна все, что относилось к религиозной сфере — литургия, обряды и церемонии, богослужения, организация прихожан, — сосредотачива-

лось в одной церкви. Сейчас такой союз практически невыполним, а люди могут реализовать свои устремления в самых разнообразных религиозных организациях. В конце XX в. процессы поиска личностной идентификации лишь ускорили разобшение религиозного опыта и церковных объединений. Современный мир больше не представляет собой цивилизации, где все аспекты жизни влияли бы на веру (и наоборот). Поэтому постсекулярное общество сделало невозможным *единство* многообразных граней *самой религиозной жизни*.

Канадский философ подчеркивает, что величайший вызов для церкви современной эпохи состоит в *объединении* людей всех жизненных ориентаций и устремлений, разнообразных взглядов и различных религий внутри одного сакраментального (священного) союза [9, p. 26].

Подобная цель актуальна и для общества постмодерна, фрагментация и сегментированность которого не позволяет человеку чувствовать фундаментальность, устойчивость, гарантированность своих позиций в общественном бытии. Современный мир многополярен, многообразен, пронизан конструированием альтернативных путей социальной и личностной истории, в том числе и в религиозной жизни. Постепенно уходят в прошлое отживающие формы социального и приходят новые, что по-разному воспринимается человеком воцерковленным и человеком, далеким от религии. Для человека светского это — вызов времени, ожидание изменений, надежда на радикальные перемены. Данный вызов современности порождает многообразие жизненных ориентаций, перспектив, культурных и гражданских идентичностей, религиозного опыта — словом, всего того, что называется плюрализмом.

Казалось бы, что в постсекуляризационных обществах вера, личностная религиозная идентификация должны бы неминуемо раствориться и исчезнуть. Однако очевидно обратное: «...*параллельно секуляризационным процессам в обществе складываются совершенно противоположные тенденции* (курс авт. — О.Ч.). Новые образующиеся социальные институты, сообщества и группы людей вовсе не исключают существования и даже актуализации теологии, религиозного многообразия и стремления современного человека к религиозной самоидентификации наравне с этнической, гражданской, политической» [7, с. 45].

Автор убежден, что названные объективные трансформации необходимо учитывать в образовательном процессе в российских государственных образовательных учреждениях. Ведь именно духовно-культурная составляющая сегодняшнего молодого поколения в недалеком будущем во многом может повлиять на установление и совершенствование цивилизованных отношений между многообразными этносами России, а также между религиозными объединениями

и организациями, официально действующими на территории страны. Ценности различных народов Российской Федерации должны находиться в одном культурно-аксиологическом поле и быть признанными, равноценными по отношению друг к другу. Именно такая позиция должна формироваться у молодого поколения, которому предстоит работать на благо мира в многокультурном и многорелигиозном государстве.

Существующее социокультурное многообразие при всей его сложности имеет положительное значение для современного образования. Коммуникации в глобализирующемся мире имеют межкультурный характер, и в них всегда будут фиксироваться непохожесть, различимость, возможности отторжения и интеграции. Внутренний мир субъектов наполнен реалиями и ценностями других культур и других социумов, которые индивидуализируются, преобразовываются в *свои*, оригинальные, или *чужие*, непринимаемые, отторгаемые. Российский философ П.К. Гречко отмечал, что человеческая коммуникация есть «диалог различий» и коммуникации существуют только там, где есть коннотации и различия [10].

С учетом многообразия коммуникационных отношений современного мира видится прагматичным введение преподавания специальных философско-религиозных и религиозно-культурологических дисциплин в образовательные программы высшей школы. *Рациональный содержательный анализ* должен стать главным принципом в их преподавании. Современное состояние российского образования находится в стадии реформирования, и в этом процессе должны быть учтены все актуальные проблемы социума [11], в том числе относящиеся к духовной культуре. Введение в высшее образование спецкурсов философско-религиозного характера могло бы внести созидательный вклад в формирование ценностей, духовных убеждений, глубокой мировоззренческой позиции у обучающихся и углубить их знания в области истории и теории религиозных традиций [12]. Уместно в этом плане взаимодействие с богословами и представителями традиционных религий, обладающих опытом преподавательской и исследовательской деятельности.

Следует отметить, что после значительных изменений, произошедших в российском обществе за короткий период после 1990-х гг., из сферы образовательного пространства во многом исчезли понятия нравственных, моральных императивов поведения человека. Образовательный процесс стал полностью расходиться с процессом воспитания. Функционируя столетиями в предшествующих периодах развития российского общества, исконно отечественные культурные формы и идеалы работают сегодня на научно-интеллектуальном уровне и остаются чем-то внешним по

отношению к эмпирическому (в том числе воспитательному) бытию личности.

Не будучи сторонником резкого противопоставления секулярного и религиозного гуманизма, светских норм морали, нравственности и религиозных (в частности, христианских) воззрений, автор статьи считает, что многие идеи и концепты, сформированные восточным христианством, а в дальнейшем православием, достаточно естественно могли бы войти в национальную российскую систему духовных ценностей и стать нравственным основанием образовательного процесса в высшей школе [13, с. 133]. Ведь многие положения православного христианства выносят на уровень философской рефлексии мировоззренческие ценности и соответствуют историко-культурному архетипу российского менталитета. Изучение таких дисциплин, как теология, история христианства и христианской культуры, история религий, проблемы межрелигиозных отношений в отечественной и зарубежной истории, религиозная антропология и т. д., наряду со светскими гуманитарными науками помогло бы в какой-то степени предотвратить начавшийся разрыв социальной памяти поколений, совместить образовательный и воспитательный процессы в школах и вузах. Кроме того, эти дисциплины при соответствующей философской рефлексии могли бы существенно дополнить историко-философский базис преподавания философии.

Искусственно возведенное противопоставление светского и религиозного знания обедняет человека, его духовный мир, культуру. Учебный курс «Философия» сегодня начинается с разделения понятий философского и религиозного мировоззрений без нахождения каких-либо точек соприкосновения. И если это разделение на гуманитарных факультетах частично снимается последующим углублением в специфику знания, изучением истории и концептуальных положений религий, то в технических и ведомственных вузах у студентов и курсантов формируется некоторый схематизм мышления. В сознание молодых людей целенаправленно закладывается принцип противоположности науки, религиозного и философского мировоззрения без всякой надежды на их взаимодействие или возможное взаимоотношение.

Представляется, что вера только в научное знание никогда не сделает индивида более человечным, ибо человечность рождается из поиска вечного смысла жизни, непостижимого сугубо научным мышлением. Люди не смогут стать более нравственными, не смогут познать свою духовную сущность, вооружившись лишь научной логикой. А. Эйнштейн когда-то отмечал, что у человечества есть все основания ставить провозвестников моральных ценностей выше, чем открывателей научных истин.

Одним из ярких подтверждений вышеназванных положений является патристическое антропологическое учение IV–VIII вв.,

нацеливающее человека на постижение своей духовной сущности. В восточнохристианской антропологии самопознание человека — это ощущение себя и путь к себе, т. е. процесс самоосознания и самосозидания личности через поиск нравственных идеалов, через сопоставление своих поступков с абсолютной моралью.

Сущность патристических трудов IV–VII вв. состоит именно в *антропологизме*. До настоящего времени сочинения патристики были оценены только с точки зрения их теологического содержания, однако *философско-антропологический* смысл учений отцов церкви еще сокрыт от людей и пока не проявлен в современной культуре. Однако тексты эти *рациональны* по своей сути, поскольку в них показано, как совместить сферу социальную и антропологическую, мирскую и теологическую. Эти тексты из глубины истории открывают тот путь, ту золотую середину, тот диалог между религией и разумом, между верой и неверием, о которых пишет в своих работах Ю. Хабермас, человек невоцерковленный.

Для людей XXI в. святоотеческая мысль намечает один из механизмов индивидуального самоопределения человека, очерчивает его личностное назначение как творческий поиск приобретения ценностных смыслов бытия. Из установок патристики на активность человека, веры в его духовные возможности, нацеленности на самопознание и приобретение знаний можно вывести актуальные для современных людей философско-антропологические положения и моральные нормы. Поскольку идей и концептов, претендующих на вечные истины, в святоотеческом наследии множество, то этот пласт культуры следует изучать и рационально использовать в образовательном и воспитательном процессах.

Условия постмодерна, или постсекулярности, показывают, что необходимо осуществить своего рода синергетическое единство светского гуманитарного знания и лучших религиозных идей и традиций (и не только христианских). Необходимо, наконец, преодолеть боязнь религиозности и, наоборот, прибегать к ее помощи в социальной сфере [13]. Однако такое единство должно осуществляться не эклектически, поверхностно, на скорую руку, а глубоко проникая и вынося на обсуждение те наследия религиозной культуры, которые преданы забвению или не подвергаются сегодня рефлексии. Среди них, как уже было отмечено, — малоизученные с точки зрения философского анализа творения восточнохристианской и западнохристианской патристики. Между тем, это наследие представляет собой модель особой духовной культуры, имеющей общечеловеческую значимость.

Своеобразный синтез религиозно-патристических, философских и светско-гуманистических идей мог бы в сегодняшних условиях претендовать на общий аксиологический базис для многих стран,

которые можно отнести к постсекулярным. По сути, положительные свойства восточнопатристического дискурса в его философском осмыслении — независимость от государственно-официальных, политических, экономических установок и положений. Это делает его объективным знанием, ценность которого неоспорима, но практически еще не реализована. Философская рефлексия может восполнить этот пробел.

Образование и воспитание молодого поколения, выстраивающиеся на этих концептах, по мнению автора, более эффективны, чем формализация образовательного процесса и технологизация гуманитарной среды.

Межкультурный и межрелигиозный диалог с Другим. В настоящее время потенциально актуализирующаяся роль традиционных религий и конфессий может оказаться очень значимой для персонального экзистенциального опыта человека. Какой бы степени светскости общество ни достигло на данный период развития, религия в многообразии бытия становится одним из источников индивидуальной идентификации, и в этом плане она не только предлагает субъекту идею *Другого*, но и намечает пути взаимодействия с *Другим*. *Другой* — это человек не только иной культуры, иной социальной среды, но и *иного* понимания Бога. В религиозном мировоззрении *Другой* для человека — это и есть *Бог*.

Современный польский профессор социологии и медиа Л. Дущевски отмечает, что в западном мире наличествует кризис Бога. В связи с этим он призывает говорить о Боге менее доктринально, но в более экзистенциальном ракурсе, с тем чтобы создавать новые формы культуры, искусства и образования для их большего взаимодействия и открытости [14]. В действительности философ поднимает проблему недостатка Бога в обмирщенном обществе, поскольку без идеи Бога как *Другого* и сам человек не может быть глубоко осмыслен. Секулярность, по сути, есть некоторая превращенная форма религиозности. Какой бы характер ни носило светское общество, люди всегда будут искать *Другого*, который поможет найти и осознать *себя* в быстротекущих трансформациях постмодерна и той неустроенности, зачастую потери смысла жизни, которые сопровождают человека в этих условиях [15].

Представляется, что религия во многом снимает *отчуждение* человека от *Другого* (субъекта) в результате их взаимодействия. Благодаря религиозным коммуникациям люди преодолевают межкультурные и поведенческие различия, недопонимание, отчужденность. Талантливый испанский философ XIX — начала XX в. М. Унамуно отмечал, что для осознания своего *Я* требуется глубокое понимание *Бога*. Бог есть идея, которая помогает постигать мир и себя. *Бог* есть *Другой*, но без него человек не способен обладать знанием своей самости (своего *Я*). Без понимания инобытия *Другого*, его

непохожести не может быть сознания человека, и без сознания (веры) человека не может быть понят Бог. Бог пронизывает материальный мир и объединяет два мира — чувственного и Божественного (*Я и Другого*) — в одно онтологическое понятие любви. Любовь есть фундамент для человеческой *самости* и *Другого* [16].

По мнению автора, человек постсовременности, где-то уставший от секулярности, должен выстраивать свое бытие на основе рационального самопостижения рядом с чем-то абсолютным: идеями добра, мира, толерантности, гуманизма, отсутствия социального насилия во всех его формах. Религия в философском плане обладает *антропологической* сущностью, она отражает духовный потенциал каждого человека, а потому может служить воспитанию целостного человека [17]. Важнейшая функция религии сопоставима с лингвоязыковой: посредством религиозных взаимоотношений огромное количество людей могут общаться, взаимодействовать и разделять свои моральные и духовно-нравственные потребности и предпочтения. *Религия* есть *особое средство коммуникации*, и, конечно, она имеет свою аудиторию. Традиционные религии транслируют определенную моральную и сакральную информацию, и современное общество, особенно в лице института образования, должно использовать этот факт в конструктивных целях.

Автор убежден, что философско-антропологическая сущность религий с ее тяготением к рационализму сейчас должна выйти на первый план научных дискурсов и стать объектом профессионального обучения в высшей школе.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Chistyakova O.V. Rationalization of Contemporary Culture and Education in the Context of Religious Resistance to Violence. *Proceedings of the 2016 International Conference on Arts, Design and Contemporary Education (ICADCE 2016). Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Vol. 64.* Paris, Atlantis Press, 2016, pp. 1192–1198.
- [2] Чистякова О.В. Насилие и религия как социальные феномены современности (философско-антропологический контекст). *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Философия*, 2015, № 1, с. 116–136.
- [3] Чистякова О.В. Толерантность межэтнических отношений: футурологический миф или реальность? *Толерантность в России: История и современность. Всероссийская научно-практическая конференция.* Волгоград, ВАГС, 2008, с. 214–218.
- [4] *Meeting With the Representatives of Science. Lecture of the Holy Father.* URL: http://www.vatican.va/holy_father/benedict_xvi/speeches/2006/september/documents/hf_ben-xvi_spe_20060912_university-regensburg_en.html
- [5] Dancak P. The Cristian Universalism, Globalization and Tolerance in the Thought of Joseph Ratzinger-Benedict XVI. *Proceedings of the 2016 3rd International Conference on Education, Language, Art and Inter-cultural Communication (ICELAIC 2016). Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Vol. 40.* Paris, Atlantis Press, 2017, pp. 678–682.

- [6] Chistyakov D. Social Dimension of Media Space in the Age of Postmodernity. In the Context of Objective Knowledge Obtainment. *Proceedings of the 2016 International Conference on Arts, Design and Contemporary Education (ICADCE 2016). Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Vol. 64.* Paris, Atlantis Press, 2016, p. 297–300.
- [7] Чистякова О.В. Общество и религия в постсекулярную эпоху: теоретические подходы и эмпирическое взаимодействие. *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Философия*, 2016, № 2, с. 43–51.
- [8] Taylor C. *A Secular Age*. Cambridge, Belknap Press of Harvard University Press, 2007, 967 p.
- [9] Taylor C. Authenticity: The Life of the Church in a Secular Age. *Renewing the Church in a Secular Age: Holistic Dialogue and Kenotic Vision. March 4–5, 2015. Pontificia Universita Gregoriana, Rome. A Joint Conference with Council for Research in Values and Philosophy and the Patronage of Pontifical Council for Culture.* Rome, 2015, p. 26.
- [10] Гречко П.К. *Онтометодологический дискурс современности. Историческая продвинутость и ее вызовы*. Москва, ЛЕНАНД, 2014, 312 с.
- [11] Баграмянц Н.Л., Ивлева М.Л. Проблемы и перспективы современного профессионального образования как динамичной системы. *Известия Московского государственного технического университета МАМИ*, 2012, т. 1, № 1, с. 340–345.
- [12] Chistyakova O.V. Russian Religious Philosophy As The Basis For State Identity. *Journal of Eurasian Research*, 2003, vol. 2, iss. 1, pp. 13–17.
- [13] Чистякова О.В. Соотношение истории философии и истории религии в образовательном пространстве высшей школы. *Философия преподавания философии. Материалы и тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции*. Калуга, Эйдос, 2000, 252 с.
- [14] Dyczewski L. New Technologies and Styles of Evangelization // *Renewing the Church in a Secular Age: Holistic Dialogue and Kenotic Vision. March 4–5, 2015. Pontificia Universita Gregoriana, Rome. A Joint Conference with Council for Research in Values and Philosophy and the Patronage of Pontifical Council for Culture.* Rome, 2015.
- [15] Chistyakova O. Relationship of Self and Other in Cultural and Religious Communications. *Proceedings of the 2016 3rd International Conference on Education, Language, Art and Inter-cultural Communication (ICELAIC 2016). Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Vol. 40.* Paris, Atlantis Press, 2017, pp. 660–664.
- [16] Unamuno M. *Tragic sense of Life*. New York, Dover Publication, INC., 2005, 372 p.
- [17] Понизовкина И.Ф. Духовно-нравственные ресурсы человечества и гуманизм. *Аксиология культуры в контексте вызовов современного мира. Сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции*. Москва, Профессиональная наука, 2016, с. 102–109.

Статья поступила в редакцию 26.06.2017

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Чистякова О.В. Постсекулярное общество и религия: О необходимости взаимодействия социальных институтов и религиозных организаций. *Гуманитарный вестник*, 2017, вып. 9. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2017-9-470>

Чистякова Ольга Васильевна — д-р филос. наук, профессор кафедры «Социальная философия» Российского университета дружбы народов.
e-mail: olgachis@yandex.ru

Postsecular society and religion: On the necessity of interaction between social institutions and religious organizations

© O.V. Chistyakova

RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia), Moscow, 117198, Russia

The article substantiates the necessity of interaction between social institutions and officially recognized major religious organizations, as dictated by the secular processes taking place in the Russian society. The author considers the idea of rationalizing the relations between religious and educational institutions. The study shows the contradictions inherent in the processes taking place at the same time in the Russian society: its further secularization contrasted with religion becoming more and more relevant as people increasingly strive to establish their religious identity along with their other identities, such as ethnic, civil or cultural. The author suggests consolidating secular and religious knowledge by means of introducing new subjects into the process of education, said subjects dealing with philosophical and religious matters, in particular, the heritage of the Eastern Orthodox patristics. The author believes that it should be possible to rationally combine the study of original Russian religious values and achievements of secular liberal arts so as to bridge the gap between education and nurture, making up for the loss in continuity of the generational social memory observed in Russia over the last several decades.

Keywords: secularization, postsecular society, educational institution, social institutions, rationalization, intercultural dialogue, interreligious communication, postmodern, Eastern Orthodox patristics, nurture

REFERENCES

- [1] Chistyakova O.V. Rationalization of Contemporary Culture and Education in the Context of Religious Resistance to Violence. *Proceedings of the 2016 International Conference on Arts, Design and Contemporary Education (ICADCE 2016). Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Vol. 64.* Paris, Atlantis Press, 2016, pp. 1192–1198.
- [2] Chistyakova O.V. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Filosofiya — RUDN Journal of Philosophy*, 2015, no. 1, pp. 116–136.
- [3] Chistyakova O.V. Tolerantnost mezhetnicheskikh otnosheniy: futurologicheskiy mif ili realnost? [Is tolerance in inter-ethnic relations a futurological myth or reality?] *Tolerantnost v Rossii: Istoriya i sovremennost. Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* [Tolerance in Russia: history and modern day. Proc. of the pan-Russian scientific and practical conference]. Volgograd, Volgograd Civil Service Academy Publ., 2008, pp. 214–218.
- [4] *Meeting With the Representatives of Science. Lecture of the Holy Father.* Available at:
http://www.vatican.va/holy_father/benedict_xvi/speeches/2006/september/documents/hf_ben-xvi_spe_20060912_university-regensburg_en.html
- [5] Dancak P. The Christian Universalism, Globalization and Tolerance in the Thought of Joseph Ratzinger-Benedict XVI. *Proceedings of the 2016 3rd International Conference on Education, Language, Art and Inter-cultural*

- Communication (ICELAIC 2016). Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Vol. 40.* Paris, Atlantis Press, 2017, pp. 678–682.
- [6] Chistyakov D. Social Dimension of Media Space in the Age of Postmodernity. In the Context of Objective Knowledge Obtainment. *Proceedings of the 2016 International Conference on Arts, Design and Contemporary Education (ICADCE 2016). Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Vol. 64.* Paris, Atlantis Press, 2016, pp. 297–300.
- [7] Chistyakova O.V. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Ser. Filosofiya — RUDN Journal of Philosophy*, 2016, no. 2, pp. 43–51.
- [8] Taylor C. *A Secular Age*. Cambridge, Belknap Press of Harvard University Press, 2007, 967 p.
- [9] Taylor C. Authenticity: The Life of the Church in a Secular Age. *Renewing the Church in a Secular Age: Holistic Dialogue and Kenotic Vision. March 4–5, 2015. Pontificia Universita Gregoriana, Rome. A Joint Conference with Council for Research in Values and Philosophy and the Patronage of Pontifical Council for Culture*. Rome, 2015, p. 26.
- [10] Grechko P.K. *Ontometodologicheskiy diskurs sovremennosti. Istoricheskaya prodvinutost i ee vyzovy* [Ontomethodological discourse of the present day. Historical advancement and its challenges]. Moscow, LENAND Publ., 2014, 312 p.
- [11] Bagramyants N.L., Ivleva M.L. *Izvestiya Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta MAMI — Journal “Izvestiya MGTU “MAMI”* (Bulletin of Moscow State University of Mechanical Engineering (MAMI)), 2012, vol. 1, no. 1, pp. 340–345.
- [12] Chistyakova O.V. *Journal of Eurasian Research*, 2003, vol. 2, no. 1, pp. 13–17.
- [13] Chistyakova O.V. Sootnoshenie istorii filosofii i istorii religii v obrazovatelnom prostranstve vysshey shkoly [Ratio of history of philosophy to history of religion in higher education curricula]. *Filosofiya prepodavaniya filosofii: Materialy i tezisy dokladov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Philosophy of teaching philosophy: proc. of the pan-Russian scientific and practical conference]. Kaluga, Eydos Publ., 2000, 252 p.
- [14] Dyczewski L. New Technologies and Styles of Evangelization. *Renewing the Church in a Secular Age: Holistic Dialogue and Kenotic Vision. March 4–5, 2015. Pontificia Universita Gregoriana, Rome. A Joint Conference with Council for Research in Values and Philosophy and the Patronage of Pontifical Council for Culture*. Rome, 2015.
- [15] Chistyakova O. Relationship of Self and Other in Cultural and Religious Communications. *Proceedings of the 2016 3rd International Conference on Education, Language, Art and Inter-cultural Communication (ICELAIC 2016). Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Vol. 40.* Paris, Atlantis Press, 2017, pp. 660–664.
- [16] Unamuno M. *Tragic sense of Life*. New York, Dover Publication, INC., 2005, 372 p.
- [17] Ponizovkina I.F. Dukhovno-nravstvennye resursy chelovechestva i gumanizm [Spiritual and moral resources of humankind and humanism]. *Aksiologiya kultury v kontekste vyzovov sovremennogo mira. Sbornik nauchnykh trudov po materialam I Mezhdunarodnoy nauchnoprakticheskoy konferentsii* [Axiology of culture in the context of challenges posed by the world of today. Proc. of the 1st International scientific and practical conference]. Moscow, Professionalnaya Nauka Publ., 2016, pp. 102–109.

Chistyakova O.V., Dr. Sc. (Philosophy.), Professor, Department of Social Philosophy, RUDN University (Peoples’ Friendship University of Russia).
e-mail: olgachis@yandex.ru